

РАЗДЕЛ II. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 1751

DOI: 10.18384/2310-7278-2015-4-72-79

Алпатова Т.А.

Московский государственный областной университет

СИТУАЦИЯ РУБЕЖА ВЕКОВ В ИСТОРИИ ТЕКСТА «ПИСЕМ РУССКОГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА» Н.М.КАРАМЗИНА*

Аннотация. В статье рассматривается история текста «Писем русского путешественника» Н.М. Карамзина как отражение культурных процессов в России на рубеже XVIII-XIX в. Выявлены примеры того, как меняются культурно-бытовые реалии, исторические и политические аллюзии, часть которых на рубеже веков уходила в прошлое, а часть становилась более актуальной. Особое внимание уделяется тому, как в истории текста «Писем русского путешественника» отразилась динамика эстетических взглядов писателя. На примере рассказа героя-повествователя о драме А. Коцебу «Ненависть к людям и раскаяние», значительно изменившегося в поздних изданиях книги в сравнении с ранними редакциями, сделаны выводы о специфике творческой эволюции Карамзина на рубеже XVIII-XIX веков.

Ключевые слова: Н.М. Карамзин, «Письма русского путешественника», текстология, поэтика повествования, фрагмент.

T. Alpatova

Moscow State Regional University

THE SITUATION OF TURN OF THE CENTURY IN THE HISTORY OF THE TEXT OF «LETTERS OF A RUSSIAN TRAVELER» BY N. KARAMZIN

Abstract. The article discusses the history of the text of «Letters of a Russian Traveler» by N. Karamzin as a reflection of cultural processes in Russia at the turn of 18th-19th centuries. It identifies examples of how everyday realities, cultural, historical and political allusions were changing – some of them went down to history, and some became more urgent. Particular attention is paid to the way how the text in the history of «Letters of a Russian Traveler» reflected the dynamics of aesthetic views of the writer. On example of the story of the narrator of the drama of A. Kotsebu «Hate to people and repentance», that have changed significantly in the

© Алпатова Т.А., 2015.

* Подготовлено при поддержке РГНФ, проект № 15-04-00494.

later editions of the book in comparison with the earlier editions, the conclusion is made about the specifics of the creative evolution of Karamzin at the turn of 18th-19th centuries.

Keywords: N. Karamzin, «Letters of a Russian Traveler», textology, poetic of narration, fragment.

Предметом наблюдений в статье будет понятие «рубежа веков» не столько как хронологическое или историческое, сколько культурно-психологическое, а также историко-литературное – тот особый момент, когда «слышно, как время идёт», и любые трансформации начинают восприниматься как итог и одновременно открытие новых путей развития.

Для русской литературы рубежа XVIII–XIX столетий это тем более значимо, что, вероятно, именно этот момент стал едва ли не первым отечественным опытом действительно мощного, индивидуального переживания своеобразной «ситуации рубежа веков» в контексте Нового времени – не в привычном для человека Древней Руси религиозно-эсхатологическом смысле (хотя недавно прогремевшая Французская революция и здесь давала импульс эсхатологическим ассоциациям). Но всё же, как представляется, в данном случае главенствовал несколько иной контекст: с одной стороны, исторический (как завершение определённой исторической эпохи), с другой – психологический (как очень яркое, эмоциональное переживание человеком движения времени, ощутить которое и позволяет ситуация рубежа веков. Опыт такого индивидуального переживания, по-видимому, координировался и с логикой историко-литературных изменений: постепенного движения от нормативно-традиционалистского к индивидуально-творческому типу художественного сознания, от Просвещения к Романтизму. Как на

смысловом, так и на образном уровне это оказывается связано с особым, двуединым ощущением завершения и начала, итога и перспективы. С художественно-философской точки зрения этот феномен не раз рассматривался исследователями, в первую очередь на материале очень распространённого именно на рубеже XVIII и XIX веков жанрового подвида философской оды «на новый год» (на новый век), ярчайшим примером которой стало «Осьмнадцатое столетие» А.Н. Радищева [10], [13], [14].

В случае с Карамзиным это ощущение «рубежности» проживаемых событий, как правило, исследовалось как один из важнейших компонентов его историко-политической концепции – в первую очередь в исторической «переписке» «Мелодор к Филалету» и «Филалет к Мелодору», в которой собственно исторические, эсхатологические обобщения сочетаются и с выражением субъективно-личного, эмоционального переживания, разочарование в человеческой природе и надежда на лучшее вопреки всему.

Названные и подобные им образно-смысловые пласты взаимодействуют, в совокупности воплощая то самое чувство стояния «на краю бездны», которое и рождает в душе карамзинского героя «рубеж веков»: в силу самих законов бытия в этой точке метафора «пути испытаний» словно бы облекается плотью и становится явлена человеку и человечеству.

В ироническом ключе Карамзин-поэт также отозвался на «ситуацию

рубежа веков», острая её в намеренно шуточном стихотворном предсказании на новый 1799 год – «Пророчество на 1799 год, найденное в бумагах Нострадамуса».

Однако ситуация рубежа веков по-своему любопытно отразилась и в «Письмах русского путешественника». Рассматривать её возможно с нескольких точек зрения. Прежде всего, учитывая специфический энциклопедизм этой книги Карамзина, подводившей итог развитию западноевропейской и русской культуры Нового времени, и в первую очередь XVIII столетия. Далее, на уровне дополнительных смысловых и ассоциативных линий, обогащающих в книге Карамзина сюжет путешествия как пространственного перемещения за счёт упоминания определённых историко-культурных феноменов, имевших «знаковый» характер. Здесь речь идёт о нескольких линиях исторических аллюзий: осмысление событий французской революции (наиболее изученный); осмысление образа Петра I и в связи с этим – значения самого XVIII века, который представляется повествователю в «Письмах русского путешественника» как первый век в истории России новый.

Наконец, представляется интересной проблема, каким образом ситуация рубежа веков как хронологический, культурно-исторический (а по-видимому, и психологический) фактор могла повлиять на те изменения, которым подвергался сам текст «Писем русского путешественника» от первой публикации на страницах «Московского журнала» до последнего прижизненного собрания сочинений писателя, осуществлённого в 1820 году.

Реконструкцией творческой истории «Писем русского путешественни-

ка» занимались многие исследователи – это и В.В. Сиповский, и Ю.М. Лотман, и Н.Д. Кочеткова, и И.З. Серман и др. В задачи настоящей работы входило рассмотреть сделанные в тексте «Писем...» изменения с той точки зрения, насколько возможно выявить историко-культурные закономерности, связанные с изменениями текста книги, насколько эти закономерности, в свою очередь, могли быть частью той литературной и историко-культурной ситуации, что принесла с собой для русского писателя «ситуация рубежа веков». При этом учитывались все выделенные издателями «Писем...» в серии «Литературные памятники» [4] источники вариантов текста: первое и второе издания «Московского журнала» [11], [12], альманах «Аониды» [1], [2], отдельное издание «Писем русского путешественника» [5], [6], а также собрания сочинений писателя [7], [8], [9].

Типологически внесённые автором изменения можно классифицировать следующим образом.

Прежде всего, изменения текста «Писем...» нередко касаются бытовых подробностей, которые ушли в прошлое, и таким образом произошедшие изменения позволяют почувствовать динамику историко-культурной ситуации – на самых разных уровнях, от быта до политики, Карамзин-повествователь отказывается от целого ряда деталей, либо потому, что они канули в прошлое окончательно, либо, наоборот, сделались столь распространёнными, что не нуждаются в подробных пояснениях.

Подобным примером «уходящей» детали может быть содержащееся в первом издании «Московского журнала» в письме <3> «Рига, 31 Мая

1789» уточнение об одежде – кафтанам – эстляндцев и лифляндцев: «одни носят чёрные, а вторые серые, *дьячковского покроя*» [4, с. 39] – с уходом в прошлое самого типа «дьячка» и его своеобразной одежды уточнение теряет изобразительность и делается ненужным. В некоторых случаях, напротив, с уходом в прошлое событий, которые в момент публикации в первом издании «Московского журнала» были слишком злободневны и политически остры, становится возможным точное обозначение деталей, прежде обозначавшихся эфемистически: в первом издании «Московского журнала», передавая в письме <15> разговор путешественника с неким Шведом, которого он встретил в трактире Блума, повествователь вкладывает в уста своему собеседнику обтекаемую фразу: «Я должен был при начале войны выехать из Петербурга» [4, с. 407], в последующих изданиях изменённую: «При начале войны меня выслали из Петербурга, <...> хотя мне очень хотелось пожить там» [4, с. 39].

Целый ряд уточнений и изменений в тексте можно связать с меняющейся языковой ситуацией. Именно эта сфера наиболее часто привлекала внимание исследователей, искавших в «Письмах русского путешественника», и в особенности в реконструкции истории текста отражение этапов борьбы между «старым» и «новым» слогом русского языка. Отметим лишь, что чутко улавливая эту динамику, Карамзин в «Письмах...» не только перерабатывает текст, но делает рефлексию по поводу этой переработки предметом внимания читателя, а возможно, и частью самого художественного задания. «Письма русского путешественника» –

в полной мере многоголосная и многоязычная книга; карамзинский повествователь путешествует в известном смысле не только в географическом, но и в языковом пространстве – причём благодаря ситуации рубежа веков, не только в синхронии, но и в диахронии, улавливая изменения, исторически происходящие с несколькими словоформами.

Такова своеобразно обыгранная в процессе работы над книгой история слова «сюртук», которое впервые появляется на швейцарских страницах в письме <75>: «Встав рано поутру и надев свой походный сертук, выхожу из города...» [4, с. 156]. В «Истории слов» В.В. Виноградова в качестве самого раннего источника, свидетельствующего о вхождении слова «сюртук» в русский язык, приведена «История моего знакомства с Гоголем» С.Т. Аксакова, где он называет этот вид одежды также сертук [3, с. 810]. Карамзин использует это обозначение верхней одежды не только раньше; в изданиях «Московского журнала» он также комментировал различные варианты написания этого слова – и в первом, и во втором изданиях к слову «сертук» прилагалась авторская сноска: «Я не имею духа писать *сюртут* или что ещё хуже – *сюртук*» [4, с. 433-434] – и то, и другое курсивом.

В данном случае Карамзин, по сути, свидетельствует о том, каким образом французское заимствование (*surtut*) ассимилировалось русским языком – приводя различные формы и даже полемизируя с некоторыми из них, опираясь на законы вкуса, и в первую очередь благозвучия фонетического, герой-повествователь таким образом развивает довольно значимую в тек-

сте линию «дополнительного сюжета» размышлений на филологические темы, протестует против, как ему кажется, неоправданного смещения различных путей заимствования – устного и письменного. Наконец, утверждая свой выбор, герой-путешественник активизирует возможности динамического, «становящегося» повествования, в котором нет ничего заранее известного, как в плане фразеологического оформления идеи, так и в отношении её самой. «Сертук» и «сюртук» слова-антиподы с точки зрения карамзинского рассказчика; таким образом основой выбора лексической единицы оказывается индивидуальный вкус и эмоционально-образный ассоциативный ореол слова. С изменившимся историко-литературным контекстом отпадает необходимость в актуализации лингвистического спора – и этот фрагмент уходит из текста после второго издания «Московского журнала».

Представляют интерес и такие разночтения в различных изданиях «Писем...», которые можно интерпретировать как свидетельства смены литературной парадигмы, и таким образом рубеж XVIII и XIX столетий начинает переживаться как некий неизбежный эстетический рубеж, как ступень в развитии литературы.

В повествовании «Писем...», рассмотренном с учётом истории смены вариантов, это изменение эстетических представлений отразилось, пожалуй, наиболее чётко и последовательно. К этому типу относится большинство выявленных исследователями разночтений, особенно в случае объёмных фрагментов текста, от которых отказывается Карамзин или которые он значительно перерабатывает с учётом

изменившихся литературных вкусов новой эпохи. Так, может представляться неуместной излишняя чувствительность, – и потому в собрании сочинений 1803 года Карамзин-повествователь, представляя восторг путешественника, оказавшегося в Швейцарии (письмо <49> «В карете дорогою»), вместо «и в восторге целовал землю...» [4, с. 426]; (вариант первого и второго издания «Московского журнала» и отдельной публикации «Писем...») избирает чуть менее экспансивное: я «упал на цветущий берег зелёного Рейна и готов был в восторге целовать землю» [4, с. 102].

Излишняя чувствительность и экспансивность уходят в прошлое как характерная черта сентименталистской эстетики: вероятно, по этой причине Карамзин-повествователь начиная с первого собрания сочинений 1803 г. исключает из текста письма <16> подробнейший пересказ «слёзной драмы» Августа Коцебу «Ненависть к людям и раскаяние» (занимавший в обоих изданиях «Московского журнала» и отдельной публикации «Писем...» несколько страниц текста), оставляя вместо него гораздо более краткое замечание, по сути, итог, некое конечное литературно-критическое суждение, основанное на эмоциональном восприятии пьесы: «Автор осмелился вывести на сцену жену неверную, которая, забыв мужа и детей, ушла с любовником; но она мила, несчастлива – и я плакал как ребёнок, не думая осуждать сочинителя. Сколько бывает в свете подобных историй!.. Коцебу знает сердце...» [4, с. 40].

При сопоставлении этого обобщённого суждения повествователя с тем пространным изложением содер-

жания пьесы, которое было в ранних редакциях текста, в логике авторской мысли Карамзина выявляется нечто большее, нежели привычно напрашивающееся объяснение, что знакомая зрителю, переведённая на русский язык и поставленная к тому времени драма уже не нуждалась в столь подробном пересказе. Дело не только в том, что первоначально пересказ этот был столь подробным, а скорее в том, как он строился.

В самом общем виде это можно связать с характерной для «Писем...» в целом проблемой, которую Карамзин-повествователь решал там практически постоянно: рассказать о произведении одного вида искусства средствами другого, сделать органичной частью повествования то, что явно будет казаться чужеродной «вставкой», если представит лишь в описании, не будучи включено в авторскую картину мира.

В данном случае, делая рассказ о драматическом произведении Коцебу элементом повествования в «Письмах...», Карамзин в ранних редакциях отчётливо «романизирует» пьесу, превращает её в своеобразный «роман», в сжатом виде изложенный повествователем-путешественником, который иначе не может представить характеризуемый сюжет, как «развертывая» всю предысторию непосредственно в повествовании: «Барон Мейнау, человек лет в тридцать, женился на пятнадцатилетней Эйлалии. Несколько лет живут они счастливо. Эйлалия почитает в своём супруге опытного и благоразумного человека, а он <...> старается во всем её ублажать... <...> В сие время один молодой человек, обязаный Барону всем своим щастием, вкрадывается...» [4, с. 408-409] и т. д.

Повествователь при этом остроумно обозначает «границы» наложившихся друг на друга способов изображения героев и событий: в замечаниях типа «отсюда начинается Драма», «и тем кончается четвёртое действие» [4, с. 409], «ничего не может быть прекраснее и трогательнее сей сцены» [4, с. 410], «с рыданием бросается она в объятия своего супруга, и занавес закрывается» [4, с. 410], по существу, сталкивает два типа изображения. Более размеренное «романное» повествование постепенно динамизируется, введенные текст реплики персонажей, как и описание зримых картин сценического действия («...графиня обнимает ее и уверяет в своей дружбе»; «Эйлалия падает в обморок...»; «вбегают дети, бросаются целовать своих родителей...»), – всё это способствует тому, чтобы сделать читательскую реакцию, по сути, зрительской, воссоздать атмосферу театрального спектакля и таким образом актуализировать более эмоциональное восприятие пересказанной истории. Этому же способствует и завершение фрагмента, посвящённого драме Коцебу в ранних редакциях «Писем...»: « – Никакая пьеса <...> не оставляла во мне таких сладких впечатлений, как сия. Не скажу, чтобы в ней не лъзя было ничего покритиковать <...> Однако ж в ней так много трогательного и прекрасного, что зритель забывает критику...» [4, с. 410].

Таким образом, в ранних редакциях текста Карамзин, сталкиваясь с проблемой рассказа о драматическом произведении средствами эпического, острая и филологически осмысливая некоторые родовые закономерности этих способов изображения, вначале превращает драматический

сюжет в подобие «романного», чтобы затем, достигнув необходимой органичности слияния различных дискурсов, постепенно превратить «повествовательное» в драматическое, заставить читателя в полной мере почувствовать себя зрителем и тем самым глубже понять восторг повествователя, присутствовавшего на представлении пьесы.

В окончательной редакции текста «Писем...» Карамзин пошёл по иному пути, не столь сложному и предполагающему в конечном итоге более лаконичное развертывание эпизода. Отказавшись от контрапунктного соединения эпического и драматического, он прибегает к приёму своеобразного «фрагментирования» пересказанной драмы – в духе романтической эстетики фрагмента, предполагавшей особое построение текста на грани словесного развёртывания темы, с одной стороны, а с другой – невысказанного, невыразимого, то есть, по сути, превращает текст в поток субъективно-эмоциональных впечатлений, лирический по своей природе.

Таким образом, ситуация рубежа веков, имевшая для Карамзина-писателя, как и для его современников, столь важное значение, предстаёт в истории текста «Писем...» с разных сторон – и в первую очередь как движение эстетических представлений, знаменовавшее начало новой литературной эпохи. Писатель не только отказывался от уходящих в прошлое бытовых подробностей, не только развёртывал линии историко-политических намёков, которые в ситуации рубежа веков получали более чёткий адрес или наполнялись более глубоким историософским содержанием. Динамика изменений

коснулась и законов художественного восприятия: Карамзин последовательно отказывается от более рационализированного, традиционного построения повествования, предпочитая ему эмоционально-субъективное начало, структуру фрагмента, подчёркивая лиризм там, где в более ранних изданиях «Писем...» предполагалось более последовательное сюжетное развёртывание. Так история текста книги позволяет взглянуть на неё не только как факт в истории русского литературного языка, но и свидетельство изменений художественного восприятия. Карамзинский герой-повествователь, отправляясь в своё путешествие, движется не только к обретению мира и самого себя, но и к обретению нового слова о мире, динамику рождения которого и отразила история текста этой книги.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Аглая, ч. 1-2. М.: Унив. тип. у Ридигера и Клаудия, 1794-1795.
2. Аглая, ч. 1-2. [Изд. 2-е]. М.: Унив. тип. у Ридигера и Клаудия, 1796.
3. Виноградов В.В. История слов. М.: Изд. РАН, 1999. 1138 с.
4. Карамзин Н.М. Письма русского путешественника / изд. подгот. Ю.М. Лотман, Н.А. Марченко, Б.А. Успенский. Л.: Наука, 1984. 720 с.
5. Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. [Изд. 1-е]. М. Унив. тип. у Ридигера и Клаудия, 1797-1801. Ч. 1-6.
6. Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. [Изд. 2-е]. М.: Унив. тип. у Ридигера и Клаудия, 1797-1801. Ч. 1-6.
7. [Карамзин Н.М.] Сочинения Н.М. Карамзина. М.: тип. С. Селивановского, 1803.
8. [Карамзин Н.М.] Сочинения Н.М. Карамзина. [Изд. 2-е]. М.: тип. С. Селивановского, 1814.

9. [Карамзин Н.М.] Сочинения Н.М. Карамзина. [Изд. 3-е]. М., 1820.
10. Маслова А.Г. Поэтика времени и пространства в русской поэзии 1760–1780-х годов. Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 2013 . 214 с.
11. Московский журнал. М.: Унив. тип. у В.Оорокова , 1791-1792.
12. Московский журнал. [Изд. 2-е]. М.: Унив. тип. у В. Оорокова, 1801-1803.
13. Пашкуров А.Н. Возвышенное как прекрасное в русской художественно-философской мысли XII-XVIII веков: некоторые закономерности // Филология и культура. 2013. № 1 (31). С. 159-162.
14. Петров А.В. Поэты и история: Очерки русской художественной историософии: XVIII век. Магнитогорск: МаГУ, 2010. 268 с.